

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Т. Скребицкий
Н. Сладков
В. Бианки
Э. Шим

Ю. Дмитриев
Д. Мамин-Сибиряк

СКАЗКИ ИЗ ЛЕСА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

СКАЗКИ ИЗ ЛЕСА

Художник
Владимир Черноглазов

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ

У меня есть полянка. Не моя собственная, конечно. Она ничья. Она – в лесу. Я люблю приходить на эту полянку, потому что она очень красивая. А ещё потому, что она рассказывает мне много интересного.

КРАСНЫЙ И ЗЕЛЁНЫЙ

Вот какой случай произошёл однажды на полянке.

На ветке куста встретились два жука – красный и зелёный. Первого звали Божья коровка, второго – Бронзовка. Посмотрели жуки друг на друга, удивились. И красный жук спросил:

– Ты почему такой весь зелёный?

– Это чтоб в траве и на листьях меня было не видно.

– А зачем надо, чтоб тебя было не видно?

– А затем, чтоб птицы меня не съели.

– Вот чудак! – сказал красный жук. – Чтоб птицы не съели, надо быть, наоборот, очень заметным.

– Нет! – сказал зелёный жук.

– Да! – сказал красный.

– Нет! – замахал усиками зелёный жук. – Ты всё перепутал!

– Это ты всё перепутал! – топнул ножкой красный.

Неизвестно, чем кончился бы этот спор. Но тут оба жука увидели птицу. В тот же миг зелёный жук нырнул в траву, а красный остался сидеть на ветке.

Птица подлетела поближе и села на ветку. Посмотрела на красного жука одним глазом, покрутила головой, потом посмотрела другим и отвернулась. Нет уж! Вкусный жук не станет сидеть прямо на виду. Он обязательно спрячется. А этот сидит как ни в чём не бывало. Один раз она уже пробовала клюнуть такого храбреца. И на всю жизнь запомнила, какой он противный.

Птица вспорхнула с ветки, несколько раз облетела вокруг куста и стала кружить как раз над тем местом, где спрятался зелёный жук. А жук этот прижался к травинке, будто слился с ней. И замер – усиком не шевельнёт.

Птица его не заметила и полетела дальше.

– Вот видишь, – сказал зелёный жук, вылезая из травы.

– Вот видишь, – ответил красный жук, сползая с ветки.

Больше они ничего не сказали друг другу и поползли в разные стороны по своим жучиным делам. Они так и не поняли, почему один из них прячется, а другой, наоборот, старается, чтоб его получше разглядели.

КАК ЛЕТАЕТ ПАУЧИШКА

– **Бом!**

Что-то толкнуло синий колокольчик, и он закачался. Это маленький паучишка упал на него откуда-то сверху.

Колокольчик обиделся:

– Ты зачем толкаешься?

– Я не нарочно, – сказал паучишка, – я летел и упал.

– Летел? – удивился колокольчик. – Без крыльев? Не может быть! Это мухи летают, а пауки только ползают.

– Я тоже летел, – сказал паучишка, – честное слово!

– Как муха?

– Нет, как паук...

– Этого не может быть, – вмешался ландыш.

– Может! – сказал паучишка.

– Тогда покажи.

– А я хотел у вас на полянке пожить.

– Ну, прилетишь обратно.

– Нет, не прилечу. Взлететь-то я могу, а где сяду – не знаю.

– Так не бывает, – в один голос сказали ландыш и колокольчик, – просто ты не умеешь летать.

– Нет, умею!

– Нет, не умеешь!

– Ах так! – разозлился паучишка и стал быстро подниматься по травинке вверх.

Добежал он до верхушки, остановился, и тут рядом с ним появилась тоненькая ниточка. Это паучишка начал выпускать паутину. Ветер тут же подхватил её, будто хотел вырвать. Но паучишка крепко держал свою паутинку. А она становилась всё длиннее и длиннее. Паучишка уже с трудом удерживал её. Наконец цветы увидели, как ветер вырвал ниточку. Вырвал? Тогда где же паучишка? Нет, оказывается, не вырвал – подхватил паутинку вместе с паучком.

Всё выше и выше, всё дальше и дальше несёт ветер паутинку. А вместе с ней, как на воздушном шаре, летит паучишка.

Сюда он больше не вернулся – ветер унёс его на другую полянку. А на эту прилетели другие паучки.

Но теперь уже цветы больше не спрашивали – как это летают без крыльев.

СИНИЙ ШАЛАШИК

Мушонок родился рано утром и сразу стал летать над полянкой. До чего же хорошо! Солнышко светит! И еды сколько угодно: на каждой цветке сладкий сок. А захочется пить – на нижних листьях цветов всегда найдётся капелька-росинка.

Весь день летал мушонок и не заметил, как подкрался вечер. Набежали тучи. Холодно стало мушонку. Страшно.

Он уже хотел заплакать, но в это время увидел бабочку.

– Эй, мушонок! --- крикнула бабочка. – Лети за мной!

Мушонок сразу расхотел плакать и полетел за бабочкой.

Скоро они оказались около растеньица с синими, похожими на шалашик цветами. Бабочка быстро забралась в шалашик, а мушонок за ней. И сразу ему стало тепло. Повеселел мушонок. А когда повеселел, огляделся вокруг. Но в темноте ничего не было видно. Только слышалось, как кто-то шевелится, шуршит рядом. Догадался мушонок, что не один он тут.

Вдруг шалашик качнулся. Раз, другой, А потом что-то застучало снаружи. Сначала медленно, вот так: тук-тук-тук...

А потом всё быстрее: тук-тук-тук-тук...

И сразу мушонку почему-то захотелось спать. Не знал он, что это капли дождя стучат по крыше синего шалашика: кап-кап-кап...

А в шалашике слышно: тук-тук-тук...

Утром проснулся мушонок и удивился: все вокруг стало голубым-преголубым. Это солнце просвечивало сквозь тонкие стенки шалашика.

«Обязательно надо вечером вернуться сюда», – подумал мушонок, взмахнул крылышками и вылетел из шалашика.

И опять он весь день весело и беззаботно летал над полянкой. А когда начало темнеть – полетел искать свой шалашик. Искал-искал, но так и не нашёл. Да где ж найдёшь его, если на полянке много таких шалашиков. И все похожи!

Устал мушонок и забрался в первый попавшийся. А там оказалось не хуже, чем во вчерашнем.

Так и стал ночевать мушонок в синих шалашиках. Часто вместе с ним ночевали и другие мушки, жучки, маленькие бабочки, комарики. Всех пускал к себе синий шалашик.

Такой уж это добрый цветок – колокольчик.

ПУШИСТЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Первым его увидел кузнечик. Кузнечики – они такие: самих в траве не видно, потому что они зелёные, а что делается вокруг – сразу замечают. Так вот, проснулся кузнечик и видит: сидит в траве серый пушистый комок – ушки прижал, глазками поводит и не шевелится. Очень похож на зайца. Только совсем маленький.

Удивился кузнечик, застрекотал, закричал на всю полянку:

– Посмотрите скорее! Посмотрите скорее! Посмотрите скорее!

Услыхал его мушонок, прилетел и тоже удивился. Потом прилетела бабочка. Уселась на цветок рядом, посмотрела на серый комочек, сложила крылышки над головой и опять посмотрела.

Приполз жучок и долго глядел, шевеля усиками.

Последним прилетел толстый важный шмель. Он сел на травинку, и травинка под ним закачалась – вверх-вниз, вверх-вниз. Подождал шмель, пока травинка перестанет качаться, и спросил у комочка:

– Ты кто?

– Я зайчишка, – ответил серый комок. – Я совсем маленький. Только сегодня ночью родился.

– Чего же ты тут сидишь?

– Так мне мама велела, – ответил зайчишка. – Она накормила меня, поцеловала и убежала навсегда...

– И правильно сделала, – сказал шмель важно. Он был очень умный и всё на свете знал. – Совершенно правильно, – повторил он, – зайцы всегда так делают. Если волк или лиса найдут след твоей мамы – она от них сможет удрать. А ты-то ведь бегать ещё не умеешь.

– Не умею, – вздохнул зайчишка.

– И прыгать не умеешь? – удивился кузнечик.

– Не умею.

– А я как только родился – сразу стал прыгать.

– И летать не умеешь? – спросил мушонок.

– И летать не умею...

– Плохо тебе.

– Плохо, – согласился зайчишка, закрыл глаза и ещё плотнее прижал уши.

– Ничего, – прогудел шмель, – дня через три-четыре ты и бегать научишься, и прыгать...

– А летать? – перебил мушонок.

– Летать зайцам не обязательно, – строго посмотрел на него шмель, – но зато обязательно сейчас сидеть тихо и не шевелиться. Тогда волк или лисица не увидят и не учуют зайца, даже если близко подойдут.

Шмель улетел. За ним улетели мушонок и бабочка. Уполз жучок. Только кузнечик остался рядом с зайчишкой.

На другое утро кузнечик опять увидел серый комок. Он сидел на том же самом месте.

Так было и на следующее утро. И ещё через день. Но однажды кузнечик проснулся и не увидел серого комочка. Куда же он делся?

Спросил у мушонка, но мушонок не знал. Спросил у пробежавшего жука. Но и он не видел зайчишку. И бабочка тоже не видела.

Отправился кузнечик искать шмеля – уж тот-то обязательно знает.

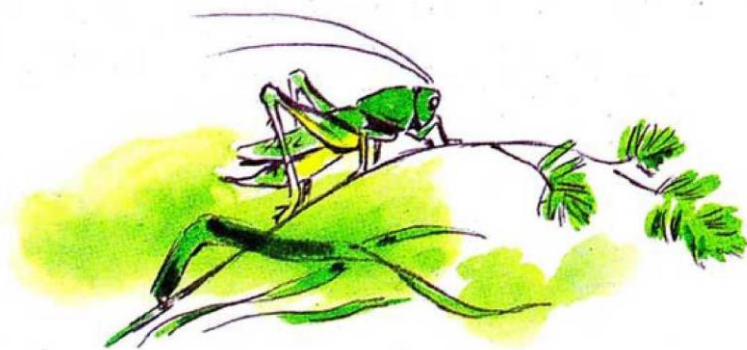
– Конечно, знаю, – сказал шмель. – Зайчишка подрос и убежал. Теперь ему нечего бояться – у него есть быстрые ноги.

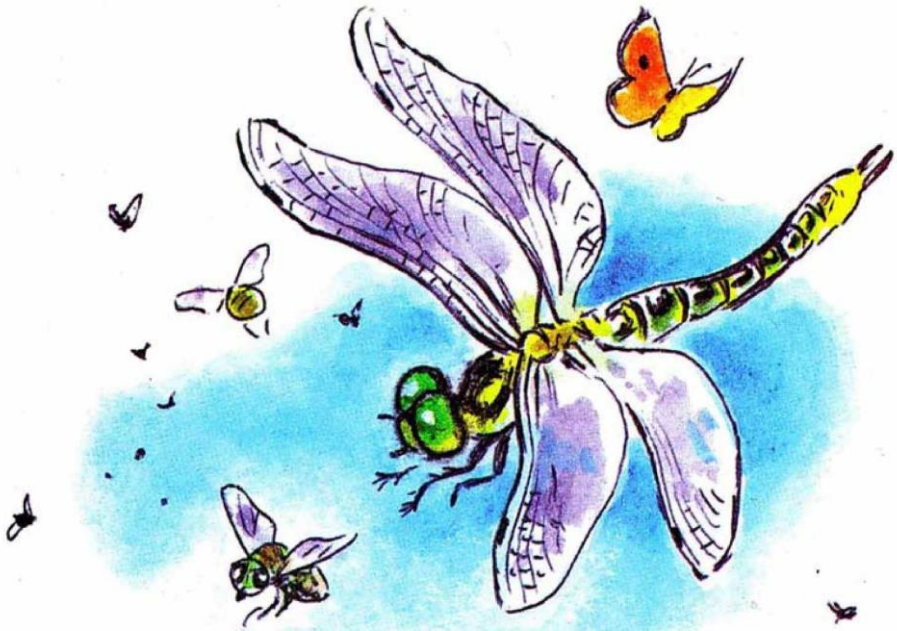
– А кто же его кормил всё это время?

– Никто, – ответил шмель. – Он поел один раз, когда родился. И этим был сыт все дни.

Давно это было. Зайчишка уже, наверное, стал большим взрослым зайцем. А на полянке всё ещё помнят о нём.

А кузнечик – он это никому не говорит, но я-то знаю – каждое утро, проснувшись, оглядывается вокруг: а вдруг опять увидит серый пушистый комочек?

КТО ОХРАНЯЕТ МОЮ ПОЛЯНКУ

Однажды над полянкой появились очень злые и очень вредные мухи.

– Дзынь, – заволновался ландыш, – плохо нам будет...

– Бом, – испуганно кивнул колокольчик, но сказать ничего не успел: большая стрекоза как молния пролетела над полянкой, и – раз! одной мухи уже нет. Два! – нету другой. Не успели мухи опомниться, а стрекоза уже набросилась на третью, потом на четвертую... Мухи вверх – и стрекоза вверх, мухи вниз – и стрекоза за ними. И пустились мухи наутёк.

Стрекоза гнала их до самой опушки и вернулась. Пролетела над полянкой в один конец, потом – в другой, поднялась повыше и оглядела всё вокруг. И только когда убедилась, что ни одной вредной мухи нет, успокоилась.

И цветы тоже успокоились: пока стрекоза здесь – враги не прорвутся.

А недавно случилось другое: откуда-то появились крошечные, не больше запятой, насекомые – тли. Крошечные-то они крошечные, но их было столько, что прошло бы немного времени, и на моей полянке не осталось ни цветов, ни травы: всё уничтожила бы тля. Она уже начала своё страшное дело. Но тут прилетели божьи коровки. Они собрались сюда со всей полянки. А им на помощь прилетели божьи коровки с других полянок. Скорее! Надо спасти цветы и траву...

Мы с тобой придём в лес и увидим, что на полянке всё в порядке. И даже не догадаемся, что тут была битва не на жизнь, а на смерть!

Ну, а что, если враг нападёт на полянку ночью, когда спит стрекоза, когда спят божьи коровки?

Не бойся: полянку и ночью надёжно сторожат.

Едва стемнеет, на полянке появляются жужелицы – чёрные или темно-синие жуки с длинными ногами и сильными челюстями. Жужелицы выползают из своих домиков – из-под камешков или из-под корней дерева.

Они обходят полянку, всматриваясь в темноту: не притаилась ли где-нибудь вредная гусеница, которая хочет напасть на цветок; не спрятался ли где-нибудь опасный и противный слизняк, который собирается грызть листья.

Спят цветы и мушки, спят бабочки и стрекозы. Только жужелицы не спят – они охраняют мою полянку.

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ

СУД НАД ДЕКАБРЁМ

Собрались на озере птицы и звери. Декабрь судить.

Уж очень все от него натерпелись.

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

– День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Засветло теперь и червячка заморить не успеешь. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

– Все, все, все! – закричали все.

А Филин вдруг говорит:

– Я против! Я в ночную смену работаю, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

– В Декабре скучища в лесу ничего весёлого не происходит. Того и гляди, от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скукоту осудить?

– Все, все, все! – опять закричали все.

Из полыньи вдруг высовывается Налим и булькает:

– Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе готовлюсь? И настроение у меня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон, но судит дальше:

– Снега в Декабре очень плохие: сверху не держат и до земли не дороешься. Измучились все, отощали. Кто за то, чтобы Декабрь вместе с плохими снегами из леса выставить?

– Все, все, все! – кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули головы из-под снега и бормочут:

– Нам в рыхлом снегу спится здорово: скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

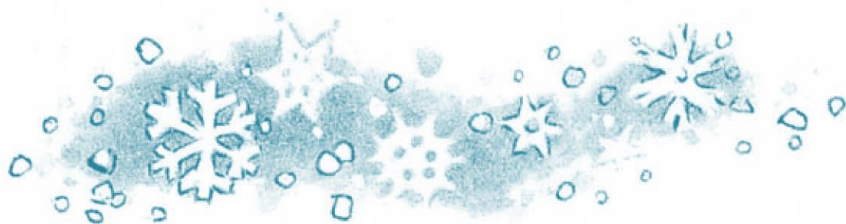
– Судили, рядили, – говорит, – а что с Декабрём делать – неизвестно. Оставлять или выгонять?

Опять закричали все:

– А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

– Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся!

КАК МЕДВЕДЯ ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ

Натерпелись птицы и звери от зимы лиха. Что ни день – метель, что ни ночь – мороз. Зиме конца-краю не видно. Разоспался Медведь в берлоге. Забыл, наверное, что пора ему на другой бок перевернуться.

Есть лесная примета: как Медведь перевернётся на другой бок – так солнце повернёт на лето.

Лопнуло у птиц и зверей терпение.

Пошли Медведя будить:

– Эй, Медведь, пора! Зима всем надоела! По солнышку мы соскучились. Переворачивайся, переворачивайся, пролежни уж небось?

Медведь в ответ ни гугу: не шелохнётся, не ворохнётся. Знай посапывает.

– Эх, долбануть бы его в затылок! – воскликнул Дятел. – Небось бы сразу зашевелился!

– Не-ет, – промычал Лось, – с ним надо почтительно, уважительно. Ау, Михайло Потапыч! Услышь ты нас, слёзно просим и умоляем – перевернись ты, хоть не спеши, на другой бок! Жизнь не мила. Стоим мы, лоси, в осиннике, что коровы в стойле, – шагу в сторону не шагнуть. Снегу-то в лесу по уши! Беда, коли волки нас пронохают.

Медведь ухом пошевелил, ворчит сквозь зубы:

– А мне какое до вас, лосей, дело! Мне снег глубокий только на пользу: и тепло, и спится спокойно.

Тут Белая Куропатка запричитала:

– А не стыдно, Медведь? Все ягоды, все кустики с поч-

ками снег закрыл – что нам клевать прикажешь? Ну что тебе стоит на другой бок перевернуться, зиму поторопить? Хоп – и готово!

А Медведь своё:

– Даже смешно! Зима вам надоела, а я с боку на бок переворачивайся! Ну какое мне дело до почек и ягод? У меня под шкурой сала запас.

Белка терпела-терпела – не вытерпела:

– Ах ты тюфяк мохнатый, перевернуться ему, видишь ли, лень! А ты вот попрыгал бы по веткам мороженым, лапы до крови ободрал бы, как я!.. Переворачивайся, лежебока, до трёх считаю: раз, два, три!

– Четыре, пять, шесть! – насмехается Медведь, – Вот напугала! А ну – кыш отседова! Спать мешаете.

Поджали звери хвосты, повесили птицы носы – начали расходиться. А тут из снега Мышка вдруг высунулась да как запищит:

– Такие большие, а испугались? Да разве с ним, куце-хвостым, так разговаривать надо? Ни по-хорошему, ни

по-плохому он не понимает. С ним по-нашенски надобно, по-мышиному. Вы меня попросите – я его мигом переверну!

-- Ты? Медведя?! – ахнули звери.

– Одной левой лапкой! – похваляется Мышь.

Юркнула Мышь в берлогу – давай Медведя щекотать. Бегаёт по нему, коготками царапает, зубками прикусывает. Задёргался Медведь, завизжал поросёнком, ногами задрыгал.

– Ой, не могу! – завывает. – Ой, перевернусь, только не щекочи! О-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха!

А пар из берлоги – как дым из трубы. Мышка высунулась и пищит:

– Перевернулся как миленький! Давно бы мне сказали.

Ну а как перевернулся Медведь на другой бок – так сразу солнце повернуло на лето. Что ни день – солнце выше, что ни день – весна ближе. Что ни день – светлей, веселей в лесу!

БЮРО ЛЕСНЫХ УСЛУГ

Нагрянул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет.

Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить?

Хорёк говорит:

– Спасайтесь кто как может!

А Сорока стрекочет:

– Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке? Нет чтобы нас сообща против общей беды! И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно...

Тут Заяц ввязался:

– Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин.

Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимях каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют – мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

– Есть-таки умная голова и в нашем лесу! – обрадовалась Сорока. – Кто следующий?

– Мы следующие! – закричали клесты. – Мы шишки на ёлках шелушим, половину шишек целыми вниз роняем. Пользуйтесь, полёвки и мыши, не жалко!

«Заяц – копатель, клесты – бросатели», – записала Сорока,

– Кто следующий?

– Нас запиши, – проворчали бобры из своей хатки. – Мы осенью столько осин навалили – на всех хватит. Приходите к нам, лоси, косули, зайцы, сочную осиновую кору да ветки глодать!

И пошло, и пошло!

Дятлы дупла свои предлагают для ночлега, вороны приглашают на падаль, вороны свалки показать обещают. Сорока еле записывать успевает.

Притрусил на шум и Волк. Ушами попрядал, глазами позыркал и говорит:

– Запиши и меня в Бюро!

– Тебя, Волка, в Бюро услуг? Что же ты в нём хочешь делать?

– Сторожем буду служить, – отвечает Волк.

– Кого же ты сторожить можешь?

– Всех сторожить могу! Зайцев, лосей и косуль у осинок, куропаток на зеленях, бобров в хатках. Я сторож опытный. Овец сторожил в овчарне, кур в курятнике...

– Разбойник ты с лесной дороги, а не сторож! – закричала Сорока. – Проходи, проходимец, мимо! Знаем мы тебя. Это я, Сорока, буду всех в лесу от тебя сторожить: как увижу, так крик подниму! Не тебя, а себя сторожем в Бю-

ро запишу: «Сорока – сторожиха». Что я, хуже других, что ли?

Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга.

Всякое в лесу бывает.

НЕПОСЛУШНЫЕ МАЛЫШИ

Сидел Медведь на поляне, пень крошил. Прискакал Заяц и говорит:

– Беспорядки, Медведь, в лесу. Малые старых не слушают. Вовсе от лап отбились!

– Как так?! – рявкнул Медведь.

– Да уж так! – отвечает Заяц. – Бунтуют, огрызаются. Всё по-своему норуют. Во все стороны разбегаются.

– А может, они того... выросли?

– Куда там – голопузые, короткохвостые, желторотые!

– А может, пусть их бегут?

– Мамы лесные обижаются. У Зайчихи семеро было – ни одного не осталось. Кричит: «Вы куда, лопухие, пото-

пали – вот вас лиса услышит!» А они в ответ: «А мы сами с ушами!»

– Нда, – проворчал Медведь. – Ну что ж, Заяц, пойдём, поглядим что к чему.

Пошли Медведь и Заяц по лесам, полям и болотам. Только зашли в лес густой – слышат:

– Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...

– Это что ещё за колобок объявился? – рывкнул Медведь.

-- И совсем я не колобок! Я солидный взрослый Бельчонок.

– А почему тогда у тебя хвост куцый? Отвечай, сколько тебе годов?

– Не сердись, дяденька Медведь. Годов мне ещё ни одного. И с полгода не наберётся. Да только вы, медведи, живёте шестьдесят лет, а мы, белки, от силы десять. И выходит, что мне, полугодке, на ваш медвежий счёт – ровно три года! Вспомни-ка, Медведь, себя в три годочка. Небось тоже от медведицы стрекача задал?

– Что правда, то правда! – проворчал Медведь. – Год

ещё, помню, в пестунах-няньках ходил, а потом сбежа-а-ал. Да на радостях, помню, улей разворотил. Ох и покатались же на мне пчёлы тогда – посеичас бока чешутся!

Пошагали Медведь с Зайцем дальше. Вышли на опушку и слышат:

– Я, конечно, всех умней. Домик рою меж корней!

– Это ещё что за поросёнок в лесу? – взревел Медведь.
– Подать мне сюда этого киногероя!

– Я, уважаемый Медведь, не поросёнок, я почти взрослый самостоятельный Бурундук. Не грубите – я укусить могу!

– Отвечай, Бурундук, почему от матери убежал?

– А потому и убежал, что пора! Осень на носу, о норе, о запасах на зиму пора думать. Вот выройте вы с Зайцем для меня нору, набейте кладовую орехами, тогда я с мамой до самого снега в обнимку готов сидеть. Тебе, Медведь, зимой забот нету: спишь да лапу сосёшь!

– Хоть я лапу и не сосу, а правда! Забот у меня зимой мало, – пробурчал Медведь. – Идём, Заяц, дальше.

Пришли Медведь и Заяц на болото, слышат:

– Хоть мал, да удал, переплыл канал. Поселился у тёти в болоте.

– Слышишь, как похваляется? – зашептал Заяц. – Из дома удрал да ещё и песни поёт!

Рыкнул медведь:

– Ты почему из дома удрал, ты почему с матерью не живёшь?

– Не рычи, Медведь, сперва узнай что к чему! Первенец я у мамы: нельзя мне с ней вместе жить.

– Как так нельзя? – не унимается Медведь. – Первенцы у матерей всегда первые любимчики, над ними они больше всего трясутся!

– Трясутся, да не все! – отвечает Крысёнок, – Мама моя, старая Водяная Крыса, за лето три раза крысят приносила. Две дюжины нас уже. Если всем вместе жить, то

ни места, ни еды не хватит. Хочешь не хочешь, а расселяйся. Вот так, Медведушко!

Почесал Медведь щёку, посмотрел на Зайца сердито:

– Оторвал ты меня, Заяц, от серьёзного дела! Всполошил по-пустому. Всё в лесу идёт, как тому и положено: старые старятся, молодые растут. Осень, косой, не за горами, самое время возмужания и расселения. И быть по-сему!

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ТЕРЕМОК

Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый.

Прилетел Дятел пёстрый, шапка красная, нос вострый.

По стволу скок-поскок, носом стук-постук – выстукал, выслушал и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил – выдолбил глубокое дупло. Лето в нём пожил, детей вывел и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло Скворец. Прилетел. Видит – дуб, в дубу – дырка. Чем Скворцу не теремок? Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскал Скворец в дупло сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живёт, другой живёт – сохнет старый дуб, крошится; больше дупло – шире дыра.

На третий год узнал про то дупло желтоглазый Сыч.

Прилетел. Видит – дуб, в дубу – дырка с кошачью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, теперь я живу – Скворец, первый в роще певец. А ты кто?

– Я Сыч. Попадёшь мне в когти – не хнычь. Ночью прилечу – цоп! – и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!

Испугался Скворец Сыча, улетел.

Ничего не натаскал Сыч, стал так в дупле жить: на своих пёрышках.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про дупло Белка. Прискакала. Видит – дуб, в дубу дырка с собачью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, теперь я живу – Сыч. Попадёшь мне в когти – не хнычь. А ты кто?

– Я Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка. У меня зубы долги, остры, как иголки. Ступай из терема вон, пока цел!

Испугался Сыч Белки, улетел.

Натаскала Белка моху, стала в дупле жить.

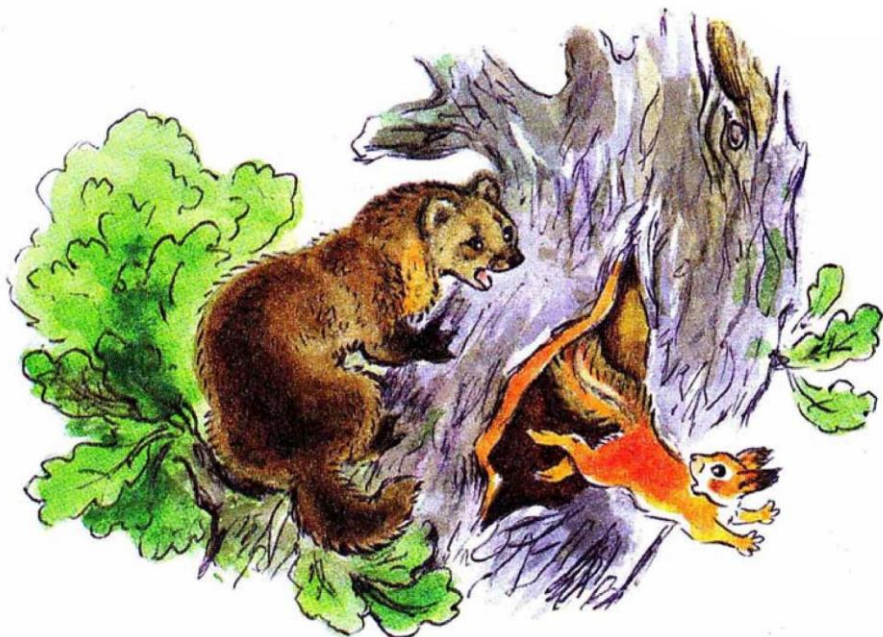
Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Куница. Прибежала, видит – дуб, в дубу – дыра с человечью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь ему в когти – не хнычь, теперь я живу – Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

– Я Куница – всех малых зверей убийца. Я страшней Хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Белка Куницы, ускакала.

Ничего не натаскала Куница, стала так в дупле жить: на своей шёрстке.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнали про то дупло пчёлы. Прилетели. Видят – дуб, в дубу – дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь к нему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакала, по дуплам сиделка, теперь я живу – Куница – всех малых зверей убийца. А вы кто?

– Мы пчелиный рой – друг за дружку горой. Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Куница пчёл, убежала.

Натаскали пчёлы воску, стали в дупле жить.

Год живут, другой живут – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнал про то дупло Медведь. Пришёл. Видит – дуб, в дубу – дырища с целое окнище. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь ему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакала, по дуплам сиделка, жила Куница – всех малых зверей убийца, теперь мы живём – пчелиный рой – друг за дружку горой. А ты кто?

– А я Медведь, Мишка, – вашему терему крышка!

Влез на дуб, просунул голову в дупло да как нажал!

Дуб-то пополам и расселся, а из него – считай-ка, сколько лет копилось:

шерсти,
да сена,
да воску,
да моху,
да пуху,
да перьев,
да пыли –
да пх-х-х!..

Теремка-то и не стало.

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

– Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

– А зачем тебе хвост? – говорит Человек.

– А затем мне хвост, – говорит Муха, – зачем он у всех зверей, – для красоты.

– Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь.

Рассердилась Муха и давай Человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:

– Ну ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдёшь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась Муха и вылетела в окошко. Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползёт. Подлетела Муха к Слизняку и кричит:

– Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

– Что ты, что ты! – говорит Слизняк. – У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо моё. Я его сжимаю да разжимаю – только так и ползаю. Я – брюхоног.

Муха видит – ошиблась – и полетела дальше. Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак – оба с хвостами. Муха к Рыбе:

– Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

– Совсем не для красоты, – отвечает Рыба. – Хвост у меня – руль. Видишь: надо мне направо повернуть – я хвост вправо поворачиваю. Надо налево – я влево хвост кладу. Не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к Раку:

– Отдай мне твой хвост, Рак!

– Не могу отдать, – отвечает Рак. – Ножки у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлёпну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлёп, шлеп – и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела Муха дальше. Прилетела в лес, видит: на суку Дятел сидит. Муха к нему:

– Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

– Вот чудачка! – говорит Дятел, – А как же я деревья-то долбить буду, еду себе искать, гнёзда для детей устраивать?

– А ты носом, – говорит Муха.

– Носом-то носом, – отвечает Дятел, – да ведь и без хвоста не обойдёшься. Вот гляди, как я долблю.

Упёрся Дятел крепким, жёстким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом да как стукнет носом по суку – только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, – нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит.

Полетела дальше.

Видит: Оленуха в кустах со своими оленятами. И у Оленухи хвостик – маленький, пушистый, беленький хвостик. Муха как зажужжит:

– Отдай мне твой хвостик, Оленуха!

Оленуха испугалась.

– Что ты, что ты! – говорит. – Если я отдам тебе свой хвостик, так мои оленятки пропадут.

– Оленяткам-то зачем твой хвост? – удивилась Муха.

– А как же, – говорит Оленуха. – Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь – спрятаться. И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу, как платочком: «Сюда бегите, сюда!» Они видят – беленькое впереди мелькает, – бегут за мной. Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше.

Полетела дальше и увидела Лисицу. Эх, и хвост у Лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый!

«Ну, – думает Муха, – уж этот-то хвост мой будет».

Подлетела к Лисице, кричит:

– Отдавай хвост!

– Что ты, Муха! – отвечает Лисица. – Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня, бесхвостую, поймут. А хвостом я их обману.

– Как же ты, – спрашивает Муха, – обманешь их хвостом?

– А как станут меня собаки настигать, я хвостом верть! – хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Да пока разберут, что ошиблись, я уж далеко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела Муха домой. Сама думает:

«Пристану к Человеку, буду ему надоедать, пока он мне хвост не сделает».

Человек сидел у окошка, смотрел на двор.

Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу! – а Муха уж ему на лоб пересела. Человек бац по лбу! – а Муха уж опять на носу.

– Отстань ты от меня, Муха! – взмолился Человек.

– Не отстану, – жужжит Муха. – Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала – у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от Мухи – вон какая надоедная! Подумал и говорит:

– Муха, Муха, а вон Корова на дворе. Спроси у неё, зачем ей хвост.

– Ну ладно, – говорит Муха, – спрошу ещё у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, со свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корове на спину и давай жужжать, выспрашивать:

– Корова, Корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнёт себя хвостом по спине – и пришлёпнула Муху.

Упала Муха на землю – дух вон, и ножки кверху.

А Человек и говорит из окошка:

– Так тебе, Муха, и надо – не приставай к людям, не приставай к зверям, надоеда.

Мухолов-Тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Как только полетит мимо муха или бабочка, он сейчас же погонится за ней, поймает и проглотит. Потом опять сидит на ветке и опять ждёт, высматривает. Увидал поблизости Дубоноса и стал жаловаться ему на своё горькое житьё.

– Очень уж мне утомительно, – говорит, – пропитание себе добывать. Целый день трудишься-трудишься, ни отдыха, ни покоя не знаешь, а всё впроголодь живёшь. Сам подумай: сколько мошек надо поймать, чтобы сытым быть. А зёрнышки клевать я не могу: нос у меня слишком тонок.

– Да, твой нос никуда не годится, – сказал Дубонос. – То ли дело мой! Я им вишнёвую косточку, как скорлупу, раскусываю. Сидишь на месте и клюёшь ягоды. Вот бы тебе такой нос.

Услыхал его Клёст-Крестонос и говорит:

– У тебя, Дубонос, совсем простой нос, как у Воробья, только потолще. Вот посмотри, какой у меня замысловатый нос! Я им круглый год семечки из шишек вылуциваю. Вот так.

Клёст ловко поддел кривым носом чешуйку еловой шишки и достал семечко.

– Верно, – сказал Мухолов, – твой нос хитрей устроен!

– Ничего вы не понимаете в носах! – прохрипел из болота Бекас-Долгонос. – Хороший нос должен быть прямой и длинный, чтоб им козявок из тины доставать удобно было. Поглядите на мой нос!

Посмотрели птицы вниз, а там из камыша торчит нос длинный, как карандаш, и тонкий, как спичка.

– Ах, – сказал Мухолов, – вот бы мне такой нос!

– Постой! – запищали в один голос два брата-кулика – Шилонос и Кроншнеп-Серпонос. – Ты ещё наших носов не видал!

Поглядел Мухолов и увидал перед собой два замечательных носа: один смотрит вверх, другой – вниз, и оба тонкие, как иголка.

– Мой нос для того вверх смотрит, – сказал Шилонос, – чтоб им в воде всякую мелкую живность поддевать.

– А мой нос для того вниз смотрит, – сказал Кроншнеп-Серпонос, – чтоб им червяков да букашек из травы таскать.

– Ну, – сказал Мухолов, – лучше ваших носов не придумаешь!

– Да ты, видно, настоящих носов и не видал! – крикнул из лужи Широконос. – Смотри, какие настоящие-то носы бывают: во-о!

Все птицы так и прыснули со смеху, прямо Широконосу в нос: «Ну и лопата!»

– Зато им воду щелокчить-то как удобно! – досадливо сказал Широконос и поскорей опять кувырнулся головой в лужу.

– Обратите внимание на мой носик! – прошептал с дерева скромный серенький Козодой-Сетконос. – У меня он крохотный, однако служит мне и сеткой, и глоткой. Мошкара, комары, бабочки целыми толпами в сетку-глотку мою попадают, когда я ночью над землёй летаю.

– Это как же так? – удивился Мухолов.

– А вот как! – сказал Козодой-Сетконос да как разинет зев – все птицы так и шарахнулись от него.

– Вот счастливец! – сказал Мухолов. – Я по одной мошке хватаю, а он ловит их сразу сотнями!

– Да, – согласились птицы, – с такой пастью не пропадёшь!

– Эй, вы, мелюзга! – крикнул им Пеликан-Мешконос с озера, – Поймали мошку – и рады. А того нет, чтобы про запас себе что-нибудь отложить. Я вот рыбку поймаю – и в мешок себе отложу, опять поймаю – и опять отложу.

Поднял толстый Пеликан свой нос, а под носом у него мешок, набитый рыбой.

– Вот так нос, – воскликнул Мухолов, – целая кладовая! Удобней уж никак не придумаешь!

– Ты, должно быть, моего носа ещё не видал, – сказал Дятел. – Вот полюбуйся!

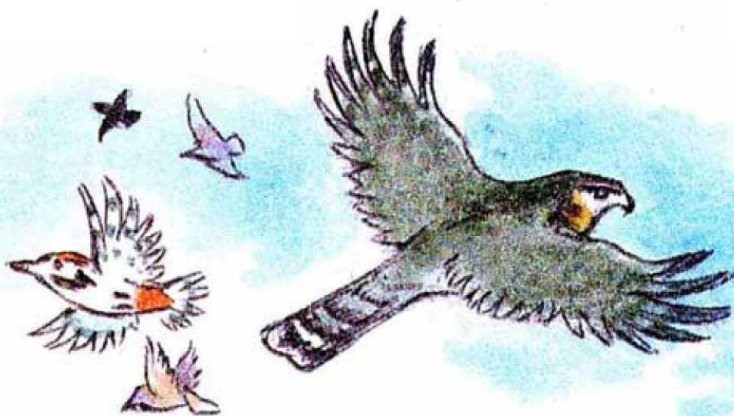
– А что ж на него любоваться? – спросил Мухолов. – Самый обыкновенный нос: прямой, не очень длинный, без сетки и без мешка. Таким носом пищу себе на обед доставать долго, а о запасах и не думай.

– Нельзя же всё только об еде думать, – сказал Дятел-Долбонос. – Нам, лесным работникам, надо инструмент при себе иметь для плотничных и столярных работ. Мы им не только корм себе добываем, но и дерево долбим: жилище устраиваем и для себя, и для других птиц. Вот у меня какое долото!

– Чудеса! – сказал Мухолов. – Столько носов видел я нынче, а решить не могу, какой из них лучше. Вот что, братцы: становитесь вы все рядом. Я посмотрю на вас и выберу самый лучший нос.

Выстроились перед Мухоловом-Тонконосом Дубонос, Крестонос, Долгонос, Шилонос, Широконос, Сетконос, Мешконос и Долбонос.

Но тут упал сверху серый Ястреб-Крюконос, схватил Мухолова и унёс себе на обед.

А остальные птицы с перепугу разлетелись в разные стороны.

ЭДУАРД ШИМ

КАК БОБРЁНОК ПЛОТИНУ СТРОИЛ

Весной, когда речка разлилась, молодой Бобрёнок поплыл новое место искать для житья.

На прежнем-то месте тесно стало – хатки почти рядышком стоят, никакого раздолья нету, на бережках все осинки повалены и ветки обгрызены. Хочешь не хочешь, а переселяться надо. День плыл Бобрёнок – приглядывался, второй день плыл – приглядывался, на третий день отыскал хорошее местечко.

Видит: один берег крутой, под ним вода тёмная, глубокая, нырять удобно. Другой берег отлогий, там вода светлая, мелкая, – вылезать удобно. Кругом березняк да осинничек ветками шелестит, – значит, корма будет вдоволь. Лучше места не сыщешь! Остаётся плотиной речку перегородить да хатку себе построить. И живи-поживай, горюшка не зная.

Но только плотину ставить и хатку строить – не легко. Много тут работы! А Бобрёнок – один-одинёшенек, и не справиться ему будет, не осилить... Подумал Бобрёнок и решил: «Пойду-ка себе помощника искать. В лесу зверей

тьма, авось кто и пособит, поступит в напарники». Вылез Бобрёнок на берег и отправился лесных мастеров искать. Долго ли шёл, коротко ли, – глянь, под кустом Ёж копошится, шелкунов и жужелиц ловит. Да так ловко! Чуть в прошлогодних листьях шорох послышится, травинка шевельнётся, – Ёж мигом туда – хватать! – и вот уж поймал насеко- мыша.

«Маленький, да удаленький! – Бобрёнок думает. – Хорошо бы мне такого товарища».

Вышел из-за куста и говорит:

– Еж, а Еж! Не пойдёшь ли ко мне в помощники? Я здесь поселиться хочу, жильё себе строить буду.

– Отчего не пойти? – согласился Ёж. – Так и быть, подсоблю.

Вернулись они к речке. Еж спрашивает:

– Чего делать будем?

– А вот гляди! – говорит Бобрёнок. – Делай, как я!

Подошёл он к осинке и начал ствол зубами грызть, на брёвнышки распиливать.

Еж постоял, постоял рядом да и головой замотал.

– Не-ет, – говорит, – в этом деле я тебе не помощник. Норку под корнями устроить – могу, листьев натаскать – могу, подстилочку мягонькую сделать – могу. А деревья ты, брат, сам спиливай. Мне для такого дела и зубов не отпущено...

Закручинился Бобрёнок, запечалился. Распрощался с Ежом, отправился других мастеров искать.

Долго ли шёл, коротко ли, видит – на склоне оврага Барсук работает, глубокую нору когтями роет. Да так старательно! Песок в сторонку отбрасывает, стеночки зачищает, земляной пол утаптывает.

Думает Бобрёнок: «Вот бы мне такого старателя в товарищи!»

Подошёл поближе и просит:

– Барсук, а Барсук! Иди ко мне в помощники, я здесь поселиться хочу, дом строю!

– Ну, чего ж, – отвечает Барсук, – Давай выручу.
Вернулись они к речке, к спиленным брёвнышкам.

– Делай, как я! – говорит Бобрёнок.

Столкнул он в воду брёвнышко, поплыл.

Брёвнышко перед собой толкает, задними лапами гребёт, хвостом подруливает. Пригнал брёвнышко к тому месту, где плотине быть, начал между камнями пристраивать.

Барсук постоял, постоял на берегу да и лапами развёл:

– Извини, брат, в этом деле я тебе не помощник. Норы устраивать – могу, ходы-выходы под землёй делать – могу, а вот плавать и нырять не обучен. Сам уж трудись...

Распрощался Бобрёнок с Барсуком, отправился нового мастера искать.

Долго ли шёл, коротко ли, видит – по зелёной поляне Медведь бродит, сладкие корешки выкапывает. Да как здорово-то! Рванёт лапой – целый ком выворотит, камень попадётся – на сторону отвалит.

Думает Бобрёнок: «Вот бы мне такого силача в товарищи!»

Подошёл и начал упрашивать:

– Медведь, а Медведь! Возьмись мне помогать, я здесь поселиться хочу, жильё строю!

– Угу, – согласился Медведь, – это можно... Пошли!

Вернулись они к речке. Бобрёнок ещё несколько брёвнышек на плотину пригнал. Потом говорит:

– Делай, как я!

Начал со дна реки вязкий ил доставать, на плотину наשלёпывать. Хвостом, как лопатой, пришмакивает, разглаживает, закругляет.

Медведь от удивления на дыбки встал.

– Ну, – говорит, – в этом деле я тебе не помощник. Колоды переворачивать – могу, еловой коры надрать – могу, а вот плотину обмазывать – не гожусь. Хвост не дорос.

Совсем опечалился Бобрёнок. Уж если Медведь не годится в помощники, то кого же звать? Останется плотина недомазанной, хатка недостроенной. Зимой Бобрёнку жить негде будет.

Сидит он на берегу, горюет.

Вдруг – плюх, плюх, – слышно, плывёт кто-то по речке. Ещё один молодой Бобрёнок пожаловал!

– Ты куда?

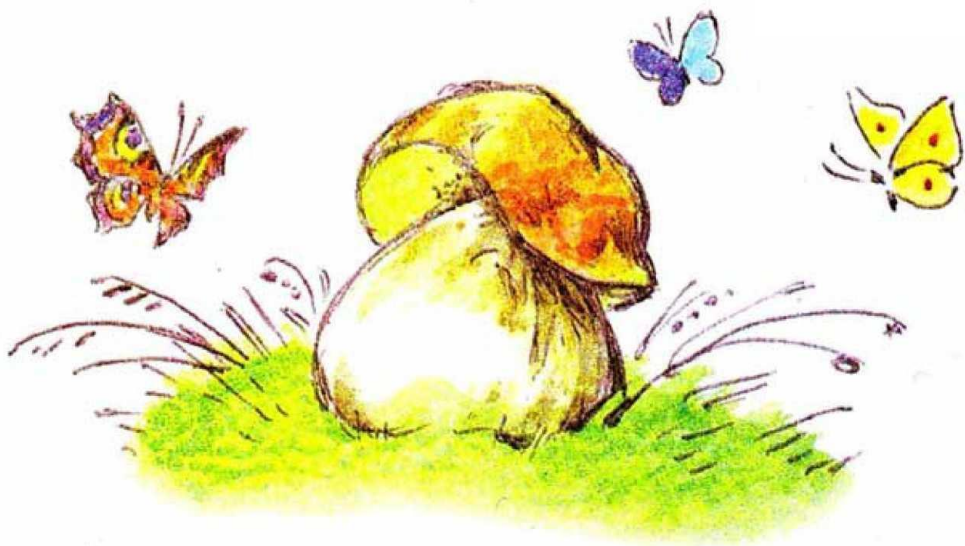
– Место новое искать, хатку строить.

– Так давай здесь вместе жить!

– Давай!

И так принялись два Бобрёнка за работу – сразу дело пошло. И деревья свалили, и плотину поставили, и хатку построили. Быстрехонько!

КОМУ ДОСТАЛСЯ БЕЛЫЙ ГРИБ

В тёмном еловом бору, под зелёной елью вырос нынче белый Гриб-Боровик.

Да какой! Всем грибам полковник.

Стоит на зелёной моховой подушке, белую грудь выпятил, шляпа на нём, как румяный хлебный каравай, – вот от такой ширины. И надета чуток набекрень.

Солнышко его сквозь еловые лапы ласково пригревает, тёплый дождик обмывает, – растёт Гриб-Боровик, словно на дрожжах. Всё выше становится, всё толще делается.

Проползал мимо Рогатый Слизень. Увидел под ёлкой Гриб-Боровик и сразу к нему повернул.

– Вот так находка! – говорит. – Сейчас по грибной ноге вползу, под грибной шляпкой укроюсь и начну его поедом есть... Так-то хорошо!

Взобрался Рогатый Слизень по грибной ноге; только собрался поедом есть Боровика, как – на тебе! – помешали.

Бежала по еловым веткам Белка, увидела Гриб-Боровик, хвостом – верть! – и скакнула к нему.

– Вот так находка! – говорит. – Сейчас грибную ногу

на месте съем, грибную шляпку на сучок повешу, чтоб сушилась. Так-то хорошо!

А Рогатый Слизень из-под шляпы высунулся, рога длинные выставил:

– Не пуцу! Мой гриб!

– Куда тебе, мокропузому, такой грибище, – отвечает Белка. – Тебе самой махонькой сыроежки не съесть. А я на зиму запасы коплю, мне много надо! Убирайся, пока цел!

Испугался Рогатый Слизень, свалился на моховую подушку и уполз. А Белка села на задние лапки, передними ухватила за грибную ногу и собралась грызть.

Да опять помешали.

Захрустели сучочки, затрещали веточки, закачалась моховая подушка, – и вылез из-за ёлок Медведь. Заметил Гриб-Боровик, тотчас к нему поворотил.

– Вот так находка! – говорит. – Сейчас я его съем целиком!

Белка на пенёк отскочила, засердилась, зацокала:

– Не пуцу! Мой гриб!..

– Куда тебе, длиннохвостой, этакий грибище, – отвечает Медведь. – Подавишься!

– Ножку сама съем, шляпку сушиться повешу! – кричит Белка. – Я на зиму запасы коплю, мне много надо!

– Так уж и много! Ты зимой на одних шишках проживёшь, еловыми веточками закусишь. А я, гляди-ка, без пищи всю зиму лежать должен... Мне к зиме потолстеть надо, жирок накопить, мяса нарастить. Оттого я сейчас больше всех ем! Убирайся, пока цела!

Испугалась Белка, винтом на ёлку взлетела. А Медведь поднял лапу и собрался с корнем гриб выворотить.

Да опять помешали.

Послышалась из-за ёлок весёлая песенка:

В частом ельничке
И в осинничке
За грибом хожу,
Далеко гляжу!

Как услышал Медведь человеческий голос, так – порск! – за ёлку, за другую... Только его и видели.

А из-за елки вышел Мальчик-Грибничок с большим лукошком. Увидел под ёлкой Гриб-Боровик, присел перед ним на корточки.

– Вот так находка! – говорит. – Сразу полное лукошко!

Вынул Мальчик-Грибничок ножик и осторожно, тихонечко подрезал у Боровика корешок.

Положил гриб в лукошко, повернулся и домой пошёл.

А на другой день под ёлкой, на моховой подушке, сразу несколько новых грибов показалось.

Один большой растёт – для Медведя.

Другой поменьше – для Белки.

Третий маленький – Рогатому Слизню.

На всех теперь хватит!

КАК ВОРОБЕЙ ТЁПЛЫЙ УГОЛ ИСКАЛ

Жил да был на свете воробей.

Не городской воробей – деревенский. Городские – те скушно привыкли одеваться, серенько. А этот расписной красавец: шапка на нём коричневая, на щеках чёрные наушники, и по каждому крылу две белые полосы пушечны.

Летом хорошо жилось воробью. И вольготно, и сытно. А пришла осень, и совсем худым стало житьё.

Льют дожди холодные, ветер-сиверко задувает, а еды так и вовсе не сыскать. Весь хлеб колхозники в амбары свезли, домашнюю птицу в сараи заперли, – нигде зёрнышка не украдёшь. Загоревал воробей, да нечего делать. Ты птица сорная, бесполезная, никто тебя задарма голубить не станет. Сам живи!

Вот и надумал воробей лететь, куда глаза глядят.

«Хоть земля, – думает, – и круглая, но должен же найтись на ней тёплый угол... Авось найду!»

И полетел.

Долго ли, коротко летел – притомился. Воробьиные крылышки куцые, такие за море не унесут. Мах, мах – да и впопыхах. Запыхался воробей и сел на лесной опушке.

Видит – растут кругом частые кустики, болотные кочки торчат, и ходят между кочек белые птицы с чёрными хвостами.

– Здорово! – сказал воробей. – Вы кто таковы?

– Мы белые куропатки, – отвечают птицы. – А ты кто?

– Я, ребята, воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

– Зачем тебе лететь? – удивились куропатки. – Оставайся с нами.

– А хорошо ли живёте?

– Уж куда лучше. Было нам холодно, мы в зимнее, толстое переоделись. И тепло, и не видно нас. Было по снегу

неловко ходить, мы лыжи приспособили из пёрышков. Теперь не проваливаемся. Было голодно, мы длинные когти отрастили, теперь снег роем, ягоду выкапываем. Чем не житьё?

– Ну, не-ет! – говорит воробей. – Это не по мне. Забот полон рот: и шубу надо, и лыжи, да ещё ягоду копай!.. Прощайте!

И дальше полетел.

Долго ли, коротко – добрался до светлого березничка. На ветку спустился.

Видит – сидят на берёзе две птицы: хохлатый петушок и рябенькая курочка.

– Здорово! – сказал воробей. – Вы кто таковы?

– Мы рябчики, – отвечают птицы. – А ты кто?

– Я, ребята, воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

– Зачем тебе лететь? – удивились рябчики. – С нами оставайся!

– А хорошо ли живёте?

– Уж куда лучше. Было нам голодно, мы взяли да гладких камушков наглотались. И теперь животы у нас любую еду перетрут: и хвою, и почки, и веточки... Что твоя мельница! Было нам холодно, да мы в снегу спать научились. Нырнём в снег, будто в перину, – и до утра! Чем не житьё?

– Ну, не-ет! – сказал воробей. – И это не по мне. Чтоб я камни глотал да в снегу спал... Прощайте!

И дальше полетел.

Долго ли, коротко – добрался до тёмного ельничка. На еловую лапу сел, огляделся.

Видит – копошится рядом рыжая птица с носом, будто кривые ножницы.

– Здорово! – говорит воробей. – Ты кто таков?

– Я клётс, – отвечает птица. – А ты кто?

– Я, брат, воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

– Зачем тебе лететь? – удивился клёст. – Оставайся со мной!

– А хорошо ли живешь?

– Уж куда лучше. Было мне голодно, я себе эвон какой хитрый нос смастерил. Что твои щипцы! Теперь шишки лущу, семена из них тащу, до того сытно! Было мне холодно, стал я гнездо рубить. Тёплое будет, хоть под Новый год птенцов выводю... Чем не житьё?

– Ну, не-ет! – сказал воробей. – И это не по мне. Нос гут ещё мастера, гнездо руби... Прощай!

И дальше полетел.

Долго ли, коротко летел – а тут лес и кончился. Впереди – город большой. И видимо-невидимо там серых городских воробьёв!

– Здорово, братцы! – закричал воробей. – Как житьишко-то?

– Живём – не тужим! – отвечают городские. – Лучше всех! На помойке крошку украдём, из лужи водички хлебнём, у печной трубы погреемся... Чем не житьё?

– Вот это по мне! – сказал воробей.

И остался в городе жить.

ДМИТРИЙ МАМИН-СИБИРЯК

СКАЗКА ПРО ХРАБРОГО ЗАЙЦА – ДЛИННЫЕ УШИ, КОСЫЕ ГЛАЗА, КОРОТКИЙ ХВОСТ

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадет с дерева ком снега – у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год, а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

– Никого я не боюсь! – крикнул он на весь лес. – Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи – все слушают, как хвастается Заяц – длинные уши, косые глаза, короткий хвост, – слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

– Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

– И волка не боюсь, и лисицы, и медведя – никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной Заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

– Да что тут долго говорить! – кричал расхрабренный окончательно Заяц. – Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем...

– Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются. Кричат зайцы про Волка, а Волк – тут как тут. Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» – как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл Волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше – хвастун Заяц – косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» – подумал серый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

– Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвастуна точно примёрз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем про-

катился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный...

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать кто похрабрее.

– А ловко напугал Волка наш Заяц! – решили все. – Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный Заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съели его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

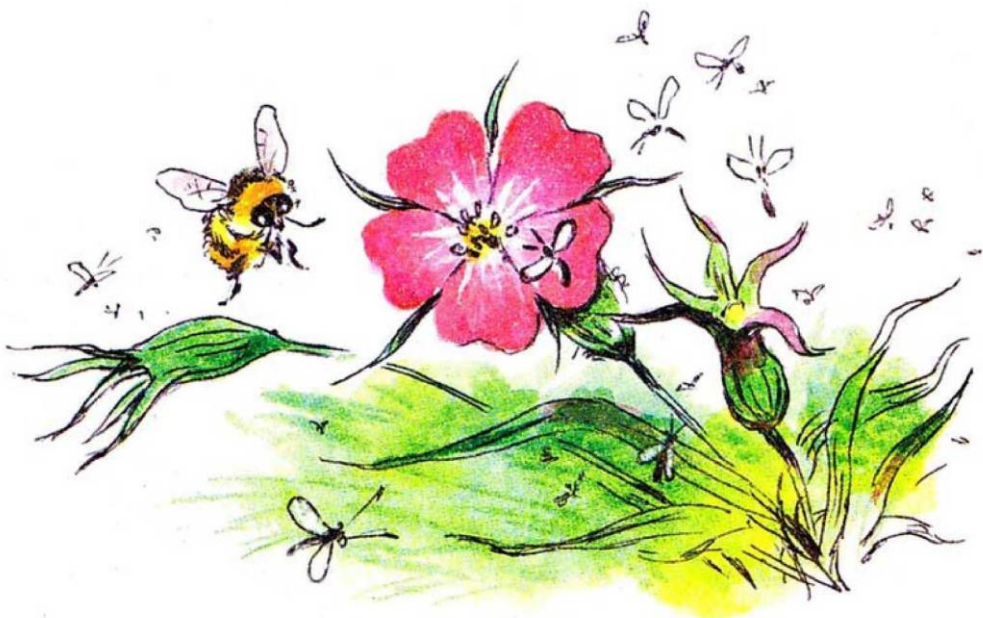
– Молодец, косой! – закричали все зайцы в один голос. – Ай да косой!.. Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

– А вы бы как думали? Эх вы, трусы...

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Баю-баю-баю...

СКАЗКА ПРО КОЗЯВОЧКУ

I

Как родилась Козявочка, никто не видал. Это был солнечный весенний день. Козявочка посмотрела кругом и сказала:

– Хорошо!..

Расправила Козявочка свои крылышки, потёрла тонкие ножки одна о другую, ещё посмотрела кругом и сказала:

– Как хорошо!.. Какое солнышко тёплое, какое небо синее, какая травка зелёная, – хорошо, хорошо!.. И всё моё!..

Ещё потёрла Козявочка ножками и полетела. Летает, любитесь всем и радуется. А внизу травка так и зеленеет, а в травке спрятался аленький цветочек.

– Козявочка, ко мне! – крикнул цветочек.

Козявочка спустилась на землю, вскарабкалась на цветочек и принялась пить сладкий цветочный сок.

– Какой ты добрый, цветочек! – говорит Козявочка, вытирая рыльце ножками.

– Добрый-то добрый, да вот ходить не умею, – пожаловался цветочек.

– И всё-таки хорошо, – уверяла Козявочка. – И всё моё...

Не успела она ещё договорить, как с жужжанием налетел мохнатый Шмель, и прямо к цветочку.

– Жж... Кто забрался в мой цветочек? Жж... Кто пьёт мой сладкий сок? Жж... Ах ты, дрянная Козявка, убирайся вон! Жжж... Уходи вон, пока я не ужалил тебя!

– Позвольте, что же это такое? – запищала Козявочка. – Всё, всё моё...

– Жжж... Нет, мое!..

Козявочка едва унесла ноги от сердитого Шмеля. Она присела на травку, облизала ножки, запачканные в цветочном соку, и рассердилась:

– Какой грубиян этот Шмель... Даже удивительно!.. Ещё ужалить хотел... Ведь всё моё – и солнышко, и травка, и цветочки.

– Нет уж извините – моё! – проговорил мохнатый Червячок, карабкавшийся по стебельку травки.

Козявочка сообразила, что Червячок не умеет летать, и заговорила смелее:

– Извините меня, Червячок, вы ошибаетесь... Я вам не мешаю ползать, а со мной не спорьте!..

– Хорошо, хорошо... Вот только мою травку не троньте. Я этого не люблю, признаться сказать... Мало ли вас тут летает... Вы – народ легкомысленный, а я Червячок серьёзный... Говоря откровенно, мне всё принадлежит. Вот заползу на травку и съем, заползу на любой цветочек и тоже съем. До свидания!..

II

В несколько часов Козявочка узнала решительно всё, именно: что, кроме солнышка, синего неба и зеленой травки, есть ещё сердитые шмели, серьёзные червячки и разные колючки на цветах. Одним словом, получилось большое огорчение. Козявочка даже обиделась. Помилуйте, она была уверена, что всё принадлежит ей и создано для неё, а тут другие то же самое думают. Нет, что-то не так... Не может этого быть.

Летит Козявочка дальше и видит – вода.

– Уж это моё! – весело запищала она. – Моя вода... Ах, как весело!.. Тут и травка и цветочки.

А навстречу Козявочке летят другие козявочки.

– Здравствуй, сестрица!

– Здравствуйте, милые... А то уж мне стало скучно одной летать. Что вы тут делаете?

– А мы играем, сестрица... Иди к нам. У нас весело... Ты недавно родилась?

– Только сегодня... Меня чуть Шмель не ужалил, потом я видела Червяка... Я думала, что всё моё, а они говорят, что всё ихнее.

Другие козявочки успокоили гостью и пригласили играть вместе. Над водой козявки играли столбом: кружатся, летают, пищат. Наша Козявочка задыхалась от радости и скоро совсем забыла про сердитого Шмеля и серьёзного Червяка.

– Ах, как хорошо! – шептала она в восторге. – Всё моё: и солнышко, и травка, и вода. Зачем другие сердятся – решительно не понимаю. Всё моё, а я никому не мешаю жить: летайте, жужжите, веселитесь. Я позволяю...

Поиграла Козявочка, повеселилась и присела отдохнуть на болотную осоку. Надо же и отдохнуть, в самом деле. Смотрит Козявочка, как веселятся другие козявочки; вдруг, откуда ни возьмись, воробей, – как шмыгнёт мимо, точно кто камень бросил.

– Ай, ой! – закричали козявочки и бросились врассыпную.

Когда воробей улетел, недосчитались целого десятка козявочек.

– Ах, разбойник! – бранились старые козявочки. – Целый десяток съел.

Это было похуже Шмеля. Козявочка начала бояться и спряталась с другими молодыми козявочками ещё дальше в болотную траву.

Но здесь – другая беда: двух козявочек съела рыбка, а двух – лягушка.

– Что же это такое? – удивлялась Козявочка. – Это уж совсем ни на что не похоже... Так и жить нельзя. У, какие гадкие!..

Хорошо, что козявочек было много, и убыли никто не замечал. Да ещё прилетели новые козявочки, которые только что родились. Они летели и пищали:

– Всё наше... Всё наше...

– Нет, не всё наше! – крикнула им наша Козявочка. – Есть ещё сердитые шмели, серьёзные червяки, гадкие воробьи, рыбки и лягушки. Будьте осторожны, сестрицы!..

Впрочем, наступила ночь, и все козявочки попрятались

в камышах, где было так тепло. Высыпали звёзды на небе, взошёл месяц, и всё отразилось в воде. Ах, как хорошо было!..

«Мой месяц, мои звёзды», – думала наша Козявочка, но никому этого не сказала: как раз отнимут и это...

III

Так прожила Козявочка целое лето.

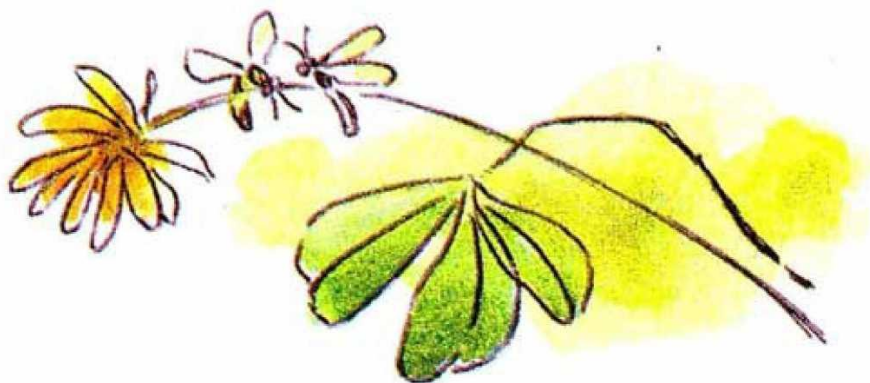
Много она веселилась, а много было и неприятного. Два раза её чуть-чуть не проглотил проворный стриж; потом незаметно подобралась лягушка – мало ли у козявочек всяких врагов! Были и свои радости. Встретила Козявочка другую такую же козявочку с мохнатыми усиками. Та и говорит:

– Какая ты хорошенькая, Козявочка... Будем жить вместе.

И зажили вместе, совсем хорошо зажили. Всё вместе: куда одна, туда и другая. И не заметили, как лето пролетело. Начались дожди, холодные ночи. Наша Козявочка нанесла яичек, спрятала их в густой траве и сказала:

– Ах, как я устала!..

Никто не видал, как Козявочка умерла. Да она и не умерла, а только заснула на зиму, чтобы весной проснуться снова и снова жить.

ГЕОРГИЙ СКРЕБИЦКИЙ

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Это случилось давным-давно. Прилетела с юга в наши края Весна-Красна, Собралась она леса зелёной листвой обрядить, на лугах пёстрый ковёр из трав и цветов раскинуть. Да вот беда: Зима никак уходить не хочет, видно, понравилось ей у нас гостить; что ни день, то задорней становится: закрутит пургу, метель, во всю мочь разгуляется...

– Когда ж ты к себе на Север уйдёшь? – спрашивает её Весна.

– Подожди, – отвечает Зима, – твое время ещё не пришло.

Ждала, ждала Весна и ждать устала. А тут ещё все птицы и звери – всё живое взмолилось к ней:

– Прогони Зиму, заморозила нас совсем, дай хоть погреться на солнышке, поваляться в зелёной траве.

Опять Весна спрашивает Зиму:

– Скоро ли ты уйдёшь?

А Зима хитра, вот что придумала.

– Старая я стала, – отвечает Весне. – Все месяцы пере-

путала, не помню, когда мне срок настаёт в дальний путь собираться. Давай так решим: как запоёт по-весеннему первая птица, так, значит, я и отправлюсь на Север.

Согласилась Весна. Полетела она по полям, по лесам, созвала всех птиц, которые в этих краях зимовали, и говорит им:

– Запойте скорее весёлые песни! Зима, как услышит их, так и уйдёт отсюда.

– Это нетрудно! – с радостью согласились птицы. – Мы завтра же утром, как только выглянет солнце, так сразу и запоём.

Настало утро, поднялось солнце. Хотело на землю взглянуть, да не тут-то было: Зима затянула всё небо серыми тучами и ну давай посыпать поля и леса хлопьями снега. А потом как закрутит метелью, света белого не видеть.

Все птицы попрятались кто куда. А Зима и рада. Говорит Весне:

– Что-то не слышу я птичьей весёлой песенки? Значит, рано мне уходить. Поживу ещё месяц, а то и два.

И на другой, и на третий день всё непогода: то снег идёт, а то и дождь вместе со снегом.

«Как же Зиму прогнать?» – думают птицы.

Наконец самые озорные из них – воробьи – решили запеть. Не беда, что на воле холодно, сыро. Расширились воробьи за деревенской околицей, прямо удержу нет. Крыльшки распускают, хвостики растопырили, наскაკивают друг на друга, кричат, шумят, из кожи лезут вон – так стараются,

– Слышишь, как весело воробьи поют? – говорит Весна Зиме.

Но та и слушать не стала.

– Да разве это пение?! – ответила она. – У меня снегири да клесты с утра до ночи в лесу кричат. Я это за пение и не считаю...

Услышал их разговор пёстрый дятел и говорит Весне:

– Видно, без моей помощи никак не обойдешься. Завтра же я за дело примусь: такой концерт в лесу устрою, любо-дорого будет послушать.

Согласилась Весна, ждёт с нетерпением – какой весенний концерт устроит в лесу пёстрый дятел.

Только долго ждать ей не пришлось. Едва рассвело, взлетел дятел на верхушку сухой сосны, уселся там поудобнее на её ствол, цепкими коготками за кору ухватился, опёрся на растопыренный хвост да как застучит клювом по сухому дереву.

Далеко по лесу разнесло эхо барабанную дробь лесного барабанщика – дятла. И сейчас же с разных концов слышалась ответная трескотня. Все дятлы, как по команде, принялись барабанить, приветствуя приход Весны.

– Слышишь, как радостно дятлы меня встречают? Пора тебе уходить! – говорит Весна Зиме.

А Зима только рукой махнула.

– Послушай-ка, – отвечает, – как скрипят в бурю старые сосны и ели, ещё забавнее получается. Дятлы твои совсем петь не умеют, только носами стучат. Какая же это песня?!

«Что правда, то правда», – вздохнула Весна. Решила она других певцов поискать.

– Давай-ка я попробую, – предложила синица, – мне ни снег, ни мороз не страшны. Пусть только солнышко выглянет, я сразу и запою.

Дождалась синица, когда солнце выбралось из-за туч. Начала она перепархивать с ветки на ветку, а сама звонким голоском распевает: «Чи-чи-ку, чи-чи-ку...» Ловко так у неё получается, будто серебряный колокольчик звенит.

– Слышишь, как хорошо синица поёт? – спросила Весна у Зимы. – Или ты и это за песенку не считаешь?

– Конечно, нет, – отвечает Зима. – Пойдём-ка со мною в лес, послушай лучше, как звенят сосульки на ветках, ко-

гда их качает ветер. Куда лучше выходит. Нет, это совсем не песня.

Хитрит Зима. Не хочет синицу настоящим певцом признавать. Что поделаешь, придётся искать другого.

– А если я попытаю счастья? – предложила свои услуги длиннохвостая серенькая овсянка. – Я всю зиму с воробьями на деревенских гумнах жила, а теперь перебралась на лесную поляну. Там я и спою свою первую песенку.

– Ну что ж, попробуй, – согласилась Весна.

И вот, как только настало утро, овсянка уселась на верхушку дерева и тоненьким голоском запела: «Зинь-зинь-зинь-з-и-и-и-и-и». Помолчала, передохнула немножко и снова: «Зииь-зинь-зинь-зиииииииии».

Простенькая получилась песенка, но зато такая хорошая, задушевная.

– Слышишь, как славно овсянка поёт? – сказала Весна Зиме. – Значит, пришла пора тебе в дальний путь отправляться.

Рассмеялась Зима:

– Ну и песенка, ну и певец! Да у меня в лесу корольки и пищухи с утра до ночи пищат. Я это за песню никак не считаю.

Загрустила Весна. К какому же ей певцу ещё обратиться? Уж и не знает, кого просить.

А тут, глядь, откуда ни возьмись, – тетерев-косач прилетел. С виду красавец: перья чёрные с сизым отливом, брови красные, хвост косицами на две стороны завивается. Сразу видно – лесной артист.

– Давно бы меня попросили, – сказал он Весне. – Я завтра чуть свет усядусь на сук старой берёзы да на весь лес и запою. И птицы, и звери – все моё пение хорошо знают.

Обрадовалась Весна: «Наконец-то настоящий певец нашёлся! Теперь Зиме уж не отговориться».

И вот только настало утро, с высокой берёзы раздался задорный крик тетерева. «Чу-фшшшшшш! Чу-фшшшшшш!» – шипел он, да так громко, что было слышно не только в лесу, но и в полях, и во всей округе.

– Ишь тетерев зачуфыкал, – говорили люди в соседней деревне, – значит, скоро тепло настанет.

Полетела Весна к Зиме.

– Слышишь, как громко поёт в лесу тетерев. Люди в деревне толкуют, что это к теплу он так распелся, значит, пора тебе уходить восвояси.

– А какое дело мне до людей? – заносчиво отвечает Зима. – Ты заставь птиц петь по весеннему, тогда я и уйду. А тетерев совсем не поёт, только шипит, как змея. Разве это можно песней назвать!

Ничего не ответила ей Весна. Улетела прочь, думает: что же дальше ей делать, какого певца найти, чтобы Зима опять не сумела отговориться. Много певцов имеется: славки, малиновки, соловьи... всех и не перечесть, только все они зимуют на юге. Теперь эти птицы ждут не дождут-

ся, когда наконец в их родных краях растает снег, зазеленеет трава и можно будет снова к себе домой вернуться. Но пока вся земля покрыта снегом, пока в полях и лесах хозяйничает Зима, перелётные птицы боятся возвратиться на родину.

Так ничего не смогла придумать Весна за весь день.

Опять наступила ночь, а за нею утро. Из-за дальнего леса медленно выплыло солнце. Оно осветило леса и поля, все белые – покрытые снегом. Только кое-где на пригорке ветер сдул белый наряд зимы. Там темнела мёрзлая, укрытая бурой прошлогодней травой земля.

Вдруг с одного из таких пригорков взлетела небольшая серая птичка – жаворонок. Взлетела, но не умчалась вдаль, вовсе нет. Она затрепетала крылышками и стала медленно подниматься все выше и выше. И вот оттуда, с голубой высоты, полилась на землю радостная, звенящая песня.

В этой песне слышался и тихий звон весенней капли, и журчание хлопотливого ручейка, и ещё что-то такое светлое, радостное, чего словами и передать нельзя.

Далеко-далеко разнеслась песня жаворонка по полям, по лугам и даже по глухим лесным трущобам.

Заслышав эту весеннюю песню, торопливо полезли из своих норок, из щёлок, из трещинок все, кто скрывался от лютого зимнего холода. Жучки, паучки, букашки выбирались на солнышко, грелись там, расправляли крылышки, усики, ножки...

Вылез из норы и толстый лентяй барсук.

Даже огромный медведь заворочался с боку на бок в своей берлоге.

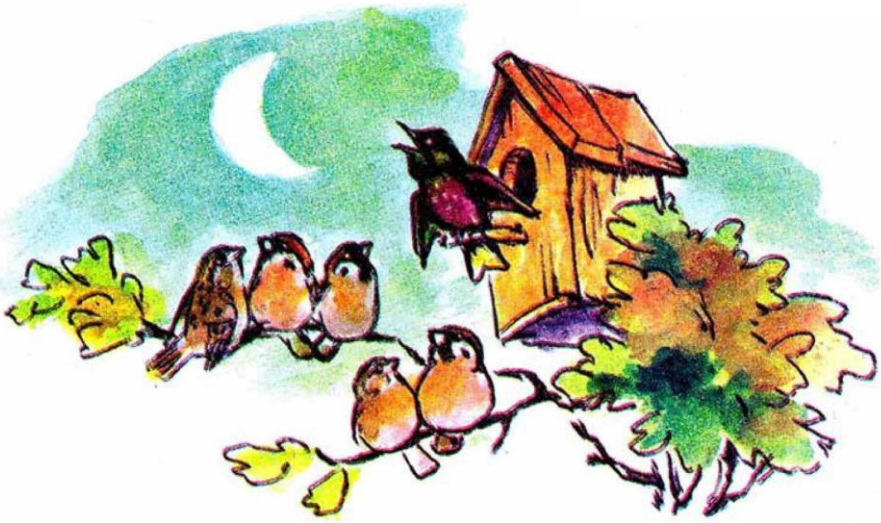
Все звери, и птицы, и крохотные букашки слушали песню жаворонка и все, наверное, думали об одном: о том, что сейчас уже не страшна лютая стужа, что нечего было её и бояться, потому что всегда вслед за зимним ненастьем наступают светлые вешние дни,

А жаворонок всё пел, поднимаясь выше и выше. Яркое солнце осветило его, и теперь он уже казался с земли не серенькой птичкой, а золотой звёздочкой, вторым крохотным солнышком, рождённым самой землёй.

– Что же, и это не песня? – спросила Весна Зиму.

Но Зима ничего ей не ответила, только рукой махнула. Она уже отправлялась в далёкий путь.

СЧАСТЛИВЫЙ ЖУЧОК

Был тёплый весенний вечер. Бабушка Дарья вышла из дома и уселась на крылечко. Этому только и ждали ребята. Будто воробьи, слетелись они с разных концов деревни.

– Бабушка, расскажи что-нибудь поинтереснее, – зататорили они.

Старушка поглядела на ребят ласковыми, поблѣкшими, как осенние цветы, глазами, подумала и сказала:

– Хорошо, я расскажу вам сказку про счастливого жучка-червячка, А вы сидите и слушайте. Вот как это было.

Прилетела на землю Весна. Принесла с собой много-много разноцветных шелков, чтобы украсить ими леса и луга, чтобы одеть бабочек и жучков, чтобы всё кругом выглядело нарядно и празднично.

Попросила Весна Красное Солнышко:

– Согрей получше землю. Разбуди всех, кто спал крепким сном всю долгую зиму. Пусть выбираются из своих трещинок, щѣлок.

Пригрело Солнышко землю. Вылезли разные насекомые, кто из щели, кто из земляной норки, кто из-под древесной коры, и все поползли, побежали, полетели на про-

сторную лесную поляну. Там их ждала Весна со своими разноцветными шелками, золотыми, серебряными нитями и другим убранством.

Явились бабочки и жуки на полянку. Увидела их Весна и говорит:

– Вот я к вам прилетела с тёплого юга. Какие хотите вы получить от меня подарки, чтобы они доставили вам радость и счастье, чтобы вы могли весело летать и бегать по полям и лесам?

Тут все бабочки и жуки сразу заговорили:

– Видишь, Весна, как потёрлись, испачкались за осень и зиму наши крылышки, какие мы все некрасивые. Дай нам яркие, нарядные одежды, тогда мы разлетимся в разные стороны, будем кружить над цветами, радоваться твоему приходу, тогда мы будем по-настоящему веселы и счастливы.

– Хорошо, – ответила им Весна и начала наряжать каждого из пришельцев.

Бабочке-белянке дала она ярко-белое платье.

Лимоннице – нежно-жёлтое, как золотистый осенний листок. Бабочку-траурницу убрала в чёрный бархат с белой каёмкой по концам крыльев.

Мотыльков, что кружатся возле весенних луж, одела она в голубую лёгкую кисею.

А вот весёлая бабочка-крапивница выбрала себе пёстренькое платье, красновато-рыжее, с тёмными и голубыми крапинками.

Решили принарядиться и важные, степенные жуки. Майский жук оделся в костюм шоколадного цвета, жук-носорог – в коричневый да ещё присадил себе в виде украшения на голову длинный рог. Навозный жук выбрал тёмно-синий костюм.

Дольше всех никак не мог подыскать подходящую одежду жучок-бронзовка. Наконец надел на себя золотисто-зелёный кафтан, такой нарядный, что, как только выбрался в нём на солнце, так и заблестел в его лучах.

Много ещё красивых одежд раздала Весна разным бабочкам, жукам, проворным стрекозам и весёлым скакунам-кузнечикам. Кузнечики захотели одеться во фраки под цвет травы. А сердитые шмели и осы нарядились в жёлтые курточки с чёрными поясками.

– Ну, кажется, всем я угодила, – сказала Весна, – теперь все довольны, могут летать кто куда хочет и радоваться солнечному теплу.

В это время набежал ветерок, зашелестел в ветках деревьев, приподнял с земли прошлогодний завядший лист.

Заглянула Весна под листок и увидела там маленького невзрачного жучка. Он и на жучка-то был не похож, скорее походил на какого-то бурого червячка.

– Кто ты такой? – спросила его Весна. – Как тебя звать?

– Меня зовут Ивановым червячком, – ответил ей незнакомец.

– Почему же ты сидишь под листом, не вылезаете оттуда? Разве ты не хочешь получить от меня красивый наряд? Разве не хочешь быть довольным и счастливым?

Жучок-червячок взглянул на Весну, подумал и ответил:

– А мне и так хорошо, я и так счастлив, счастлив тем, что наступило тепло и всё кругом ожило, радуется твоему приходу. Мне не надо яркого платья – я ведь ночной жучок, я выползаю из-под листвы, когда уже стемнеет и в небе зажгутся первые звёзды. Зачем мне красивый наряд? Я счастлив тем, что живу в родном лесу. Спасибо тебе, Весна, что ты так красиво его одела. Больше мне от тебя ничего не нужно.

Удивилась Весна, что этот скромный жучок ничего для себя от неё не просит. А потом подумала и поняла: да ведь он-то и есть самый счастливый. Он радуется не за себя одного, а за всех, радуется и живёт одним общим счастьем.

И тут же решила Весна: «Подарю я ему крохотный го-

лубой фонарик. Пусть он зажигает его каждый вечер и светит всю ночь. Пусть этот фонарик горит, как яркая звёздочка в тёмной ночной траве, и напоминает обитателям леса о том, что счастье никогда не меркнет, даже в самую тёмную ночь»...

– Вот и сказке конец, – улыбнулась бабушка Дарья. Она замолчала, глядя вдаль за околицу. Там, за рекой над синим простором лугов, уже загорались первые звёзды.

Ребята тоже притихли. О чём они думали? Может быть, о счастливом Ивановом червячке, который, наверное, уже выбрался из-под увядшей листвы и зажигает в ночном лесу свой неяркий голубой огонёк. А может, о том, как хорошо уметь в жизни радоваться за других, радоваться и знать, что твоя звёздочка освещает не только твоё, но и чужое счастье.

Серия «Школьная библиотека»

СКАЗКИ ИЗ ЛЕСА

Для младшего и среднего школьного возраста

Составитель

Юдаева Марина Владимировна

Художник

Черноглазов Владимир Юрьевич

Главный редактор А. Алир

Технический редактор М.В.Юдаева

Компьютерная вёрстка И.Я.Николаенко

Корректор С.П.Мосейчук

Ответственный за выпуск А.В.Сенюшов

Сертификат соответствия

РОСС RU. АЕ 51. Н 15427 № 0305667 от 08.06.2011

Подписано в печать 24.04.2012. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 6. Гарнитура «Ньютон».

Тираж 20 000 экз. Заказ № 1034.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР»

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

- © В. Бианки, наследники, текст.
- © Ю. Дмитриев, наследники, текст.
- © Г. Скребицкий, наследники, текст.
- © Н. Сладков, наследники, текст.
- © Э. Шим, наследники, текст.
- © Издательство «Самовар», иллюстрации,
составление, серийное оформление.

ISBN 978-5-9781-0330-4

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Владимир Черноглазов

9 785978 103304 >